

Serge De Brook

ГОЛОС ЛЮБВИ

Баллада о пути, где тишина говорит
громче слов

Serge De Brook

**Голос любви. Баллада о пути,
где тишина говорит громче слов**

«Издательские решения»

De Brook S.

Голос любви. Баллада о пути, где тишина говорит громче слов /
S. De Brook — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689482-2

«Голос любви» — философская повесть-баллада о внутреннем пути человека, где любовь раскрывается не как чувство или обещание, а как живая сила узнавания и свободы. Это история о выборе без гарантий, о тишине, которая говорит глубже слов, и о связи, возникающей там, где исчезают формы, имена и ожидания.

ISBN 978-5-00-689482-2

© De Brook S.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I – Пробуждение и Отпускание	14
Там, где голос становится дорогой	14
СЦЕНА 1	16
Книга, прогулка и первая клятва	16
СЦЕНА 2	24
Дом, где учатся слышать	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Голос любви
Баллада о пути, где тишина
говорит громче слов

Serge De Brook

© Serge De Brook, 2026

ISBN 978-5-0068-9482-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Голос любви

СЕРЖ ДВ БРУК

ПРОЛОГ

«Слова -лишь оболочка. Притяжение рождается внутри -не в словах.» — Руми

В Королевстве Манна любили говорить:
власть -это форма тишины.
Когда ты берёшь на себя чужую судьбу,
внутри становится просторно,
и в этой просторе слышно,
как шаги времени стирают лишнее.
Ян Ковальский стоял у окна северной галереи Дворца Света.
За стеклом дышал город:
фонтаны на площадях, фонари,
чуть влажный воздух после дневного дождя,
и запах сада -терпкий, зелёный,
как обещание, которое уже исполняется.
Он только что вернулся с совета.
Бумаги, печати, маршруты миссий.
Слова о безопасности, о порядке,
о том, что нужно «закрепить достижения».
Слова, как кирпичи.
Но когда двери закрылись,
и коридоры отдали шаги на хранение,
Ян почувствовал другое:
внутренний зал пуст.
И в этом пустом зале звучит вопрос,
который не задают на совете.
Кто я, когда всё сделано правильно?
Кто я, когда вокруг -успех?
Чем живёт сердце, если победа уже рядом?
Он снял перчатки и положил их на подоконник.
Пальцы устали от рукопожатий.
От улыбок, которые держатся на дисциплине.
И тогда пришла она —
не как событие,
а как тонкий сдвиг воздуха,
как запах бумаги,
как лёгкий шум ткани,
как присутствие, которое не требует внимания,
но меняет всю комнату.
Её звали Лейла.
Она не носила титулы на лбу.
Не строила фразы как мосты.
В её голосе было то,
что не доказывают —
то, что просто есть.
Лейла работала в дворцовой мастерской —
там, где создавали книги Королевства:
летописи, карты, сборники песен,
официальные тексты и неофициальные молитвы.

Она умела делать бумагу так,
чтобы она пахла чистым деревом,
и знала, что чернила не любят спешки.
В тот вечер она принесла ему тонкий том.
Без герба. Без печати.
Словно книга была не для системы,
а для человека.
– Это из каравана купцов, -сказала она тихо.
– Они шли со стороны юга.
Говорили о городе, где люди танцуют,
чтобы вспомнить, что они живы.
И о поэте, который писал так,
будто в каждой строке дышит любовь.
Ян взял книгу.
Переплёт был простой,
но тёплый, как ладонь.
– Поэт? -переспросил он,
и улыбнулся, не отдавая себе отчёта.
– Мне сейчас больше нужны инженеры и советники.
Лейла наклонила голову,
как будто слушала не его слова,
а то, что рождается под ними.
– Иногда, -ответила она, —
советники строят стены,
а поэты открывают двери.
Он хотел сказать что-то серьёзное.
Что у страны много задач.
Что времени мало.
Что духовность -это хорошо,
но порядок -важнее.
Но вместо этого
он открыл книгу.
И в первый миг ничего не произошло.
Просто бумага, строки, переводчик.
Слова, написанные чужой рукой.
А потом
одна строка прошла по нему,
как искра по сухой траве —
тихо, почти без звука,
но так, что воздух стал другим.
Он не запомнил её дословно.
Запоминалось не буквами.
Запоминалось движением.
Словно внутри него
кто-то коснулся струны,
которую он давно не настраивал.
И в этом касании
впервые проявилось то,
о чём говорил эпитафия,

хотя Ян ещё не успел его понять:
слова -оболочка,
но притяжение рождается внутри.
Внутри —
не там, где мысль спорит с мыслью,
а там, где сердце узнаёт
своё.
Ян прочитал ещё.
И ещё.
И вдруг почувствовал,
что кто-то внутри него
начал дышать.
Не умом.
Не дисциплиной.
А тем местом, которое долго молчало.
Лейла стояла рядом,
и Ян слышал, как шуршит её платье,
как будто сама ткань
не хотела мешать этому первому открытию.
Он поднял глаза —
и встретился с её взглядом.
Она ничего не объясняла.
Не просила.
Не торопила.
Она просто была —
как тёплый свет рядом с книгой,
как доказательство того,
что смысл может быть близко
и без громких слов.
И тогда,
не снаружи, не в коридоре,
а где-то в глубине груди,
родился рефрен.
Сначала -еле слышный.
Как шёпот,
который ты принимаешь за собственную мысль.
Голос любви.
Он прозвучал не как лозунг.
Не как приказ времени.
Не как утешение.
Он прозвучал как связь.
Как узнавание.
Как движение двух невидимых линий,
которые тянулись друг к другу
ещё до того, как появились слова.
Голос любви.
Ян понял:
весь день он произносил правильные фразы.
Весь день он строил порядок.

Но только сейчас
что-то внутри него
перестало быть одиноким.
Он закрыл книгу.
Не потому что закончил.
А потому что боялся
прочитать слишком много сразу
и потерять вкус первого касания.
– Как его имя? -спросил он.
– Руми, -ответила Лейла.
– Так говорят.
И ещё говорят:
он слышал Бога так близко,
что людям становилось теплее.
Ян снова посмотрел на город.
Внизу, на площади,
кто-то смеялся.
Кто-то спорил.
Кто-то спешил домой.
Мир продолжал быть разнообразным,
как огромная ткань,
где каждый узор важен.
И вдруг он увидел:
каждый человек -микрокосм.
Не формула из старых книг,
а живое множество.
Внутри каждого
есть свет и тень.
Есть гордость и стыд.
Есть мудрость и страх.
Есть ребёнок, который ждёт,
и воин, который защищает.
Есть мастер, который строит,
и поэт, который слушает.
И если человек -микрокосм,
то любовь -не украшение жизни.
Любовь -сила,
которая собирает этот микрокосм
в единую мелодию.
Лейла шагнула ближе
и коснулась края страницы
одним пальцем —
не как учитель,
а как женщина,
которая умеет сказать правду
самой простотой.
– Ты слышишь? -спросила она.
Ян кивнул.
И в этом кивке было больше, чем согласие.

В нём было признание:
он услышал не строку.
Он услышал связь.
— Это... -сказал он тихо, —
как будто меня зовут по имени,
которое я забыл.
Лейла улыбнулась.
И улыбка была не ответом.
Она была продолжением.
И вновь поднялся рефрен —
уже увереннее,
уже теплее,
как шаг, который наконец найден:
Голос любви.
Не в громких словах.
Не в идеальных речах.
А там, где что-то внутри
тянется к свету
и узнаёт себя
в другом человеке.
Ян понял:
он думал, что управляет Королевством,
но ещё не научился
управлять собственным сердцем.
В Королевстве Манна
существовали школы ремёсел,
академии наук,
центры подготовки эмиссаров.
Но не было школы,
где учат главному:
как оставаться человеком,
когда вокруг -судьбы людей.
Как любить,
когда вокруг -стратегия.
Как слушать,
когда вокруг -шум.
И эта мысль
впервые встала перед ним
не как «идея»,
а как необходимость.
Он снова открыл книгу Руми.
И прочитал ещё одну страницу.
И ещё.
А где-то в глубине,
как нить,
которая связывает его с чем-то живым,
звучал и не исчезал:
Голос любви.
Тихий. Земной.

И всё же ведущий вверх.
И это было начало.

ЧАСТЬ I – Пробуждение и Отпускание

Там, где голос становится дорогой

СЦЕНА 1

*«Слова - лишь предлог. Людей притягивает внутренняя связь,
а не слова.»*
– Руми

Книга, прогулка и первая клятва

На следующий вечер
Ян не пошёл в зал совета.
Это было почти неприлично —
для человека его положения.
Но он оставил распоряжение:
«Если не пожар - не тревожить».
Он взял книгу Руми,
и в ней было странное тепло —
не от бумаги,
а от того,
что уже успело коснуться его внутри.
Лейла ждала у боковых ворот —
там, где не ходят процессии,
и шаги звучат честнее.
Она стояла так,
словно не ждала решения,
а просто знала маршрут,
который случится,
если человек перестанет спорить с собой.
– Ты читаешь сегодня? -спросила она.
Ян хотел ответить шуткой,
но в её голосе была та простота,
которая снимает броню.
– Я пытаюсь, -сказал он.
– Словно учусь говорить заново.
Точнее... учусь молчать иначе.
Лейла улыбнулась,
и в этой улыбке
не было «я права»,
было «я рядом».
Они пошли к реке,
которая разделяла старый город
и новые кварталы.
Над водой висел лёгкий туман.
Фонари отражались в течении,
как золотые нити —
и казалось,
что сама ночь вышивает
небо на воде.

Ян держал книгу одной рукой,
другой -придерживал плащ.
Ветер был мягким,
как прикосновение без требования.
Лейла шла чуть ближе,
чем «положено» официальным спутникам.
Но это «чуть»
было важнее всех церемоний.
Потому что то,
о чём говорил Руми,
начиналось не в словах.
Они остановились на мосту.
Камень под ногами был холодным,
но рядом с Лейлой
холод становился ясностью,
а не одиночеством.
– Прочти, -сказала она тихо.
– Только не старайся быть убедительным.
Просто будь живым.
Ян открыл книгу.
Строки были знакомы уже тем,
что он их боялся.
Ибо некоторые слова
не читают —
их признают.
Он начал вслух.
Сначала голос звучал осторожно,
как будто он опасался,
что мир засмеётся.
Но на третьей строке
он поймал странное:
его голос перестал принадлежать только ему.
Он стал... общим.
Словно слова
нашли в воздухе вторую половину.
Он поднял глаза —
и увидел,
как Лейла слушает.
Не «умом».
Не «оценкой».
Не «вежливостью».
Она слушала так,
будто внутри неё
эти строки уже давно живут,
и теперь просто возвращаются домой.
И Ян вдруг понял:
они не обсуждают поэзию.
Они встречаются.
Встречаются в том месте,

где не нужны доказательства.
И в эту секунду
внутри него поднялся рефрен —
очень тихий,
но настолько ясный,
что он не мог спутать его ни с чем:
Голос любви.
Не как фраза.
Не как лозунг.
Как внутреннее узнавание:
вот оно -притяжение, которое рождается внутри.
Он дочитал отрывок.
Потом закрыл книгу,
как закрывают окно от ветра,
когда в комнате уже достаточно воздуха.
– Это странно, -сказал он.
– Я думал, что книги дают знания.
А эта...
как будто снимает с меня лишнее.
Лейла посмотрела на воду.
– Потому что ты не читаешь, -сказала она.
– Ты слушаешь.
А слушание -это уже любовь.
Ян хотел возразить привычно:
любовь -понятие широкое,
не стоит смешивать.
Но он не успел.
Лейла повернулась к нему,
и её взгляд оказался ближе,
чем любые определения.
– Ты привык, что всё держится на словах, -продолжила она.
– На договорах, клятвах, инструкциях.
Но иногда...
иногда достаточно того,
что сердце делает шаг
навстречу сердцу.
Ян молчал.
Он чувствовал,
как внутри него поднимается
целый город противоречий.
В нём жил воин,
который искал угрозы.
В нём жил правитель,
который считал последствия.
В нём жил ученик,
который хотел понять.
И мальчик,
который просто хотел,
чтобы его кто-то увидел.

Микрокосм, подумал Ян.
Не теория.
Живая многослойность.
– Мне всегда казалось, -сказал он наконец, —
что я должен быть цельным.
Монолитным.
Чтобы не дрогнуть.
Чтобы не дать слабину.
Лейла легко коснулась перил.
Её пальцы были тонкими,
но в этом жесте
была сила,
которой не учат на советах.
– Монолит легче разбить, -сказала она.
– А живой человек гнётся,
потому что в нём много.
И это «много»
не враг тебе.
Это твоя свобода.
Ян усмехнулся,
почти невольно.
– Ты говоришь так,
будто знаешь меня лучше, чем я сам.
– Я не знаю тебя лучше, -ответила Лейла.
– Я просто слышу.
И ты сейчас тоже слышишь.
Вот и всё.
Она сказала «всё»,
но воздух не позволил
оставить это «всё» без продолжения.
Ян снова открыл книгу.
Наугад.
И наткнулся на строки,
которые словно ждали именно этого вечера:
о том, что любовь не спорит,
а раскрывает.
Он прочёл их тихо.
И вдруг почувствовал,
что рядом с ним
не просто женщина.
Рядом -зеркало.
Не холодное.
Тёплое.
В котором он видит
не «образ Герцога»,
а человека.
И опять,
как на вдохе,
родился рефрен:

Голос любви.

Не убеждает -раскрывает.
– Если я открою школу, -сказал Ян,
словно осторожно вынимая мысль из груди, —
это будет выглядеть странно.
– Для кого? -спросила Лейла.
– Для тех, кто думает,
что духовность -это декорация.
Что любовь -это праздники.
Что философия -это цитаты на стенах.
Лейла шагнула ближе.
Так близко,
что Ян почувствовал аромат её волос —
чуть травяной,
как сад после дождя.
– Тогда сделай школу не про цитаты, -сказала она.
– Сделай школу про практику.
Про то, как слушать человека.
Про то, как слышать себя.
Про то, как не стать жёстким,
когда у тебя в руках власть.
Ян закрыл книгу.
Положил ладонь на переплёт,
как кладут руку
на сердце друга,
которого не хочется терять.
Он увидел это вдруг ясно:
зал, где люди молчат вместе;
мастерская, где переплетают книги;
вечера, где музыка учит дыханию;
сад, где ученики разных культур
говорят без страха быть смешными;
и «круг» -не как ритуал,
а как школа внимания.
Дом Голоса.
Он увидел,
как в этот дом придут разные:
солдат с тяжёлой памятью,
молодая учёная,
старый мастер,
девушка, которая боится собственной тишины,
и парень, который прячет нежность за смехом.
Микрокосмы.
Не одинаковые.
Но одинаково живые.
Ян вздохнул,
и в этом вдохе
впервые не было стратегии.
Он сказал вслух —

не для протокола,
не для герба,
а для реки,
ночи
и Лейлы:
– Я открою Дом Голоса.
Лейла не улыбнулась победно.
Она просто
медленно положила ладонь
на его руку —
и задержала чуть дольше,
чем позволено формальностью.
Этот жест
не убеждал.
Он раскрывал.
– Тогда начни с малого, -прошептала она.
– С первого круга людей.
С одного вечера.
С одной свечи.
С одной песни.
И с одного правила:
сюда не приходят «правильными».
Сюда приходят живыми.
Ян посмотрел на неё.
И внезапно понял,
что власть -это действительно тишина,
но любовь -это присутствие.
Рядом с ней
ему не нужно было
доказывать своё достоинство.
Достаточно было
быть.
– А если я снова потеряю этот голос? -спросил он тихо.
Лейла подняла взгляд.
– Тогда я напомним, -сказала она.
– Но ты тоже пообещай:
не прячься за словами,
когда сердце уже всё сказало.
Ян кивнул.
И в этом кивке
было его первое настоящее соглашение
не с миром,
а с собой.
Они пошли вдоль реки.
Фонари шли рядом,
как терпеливые стражи.
А внутри Яна
рефрен звучал уже не как вопрос,
а как обещание:

Голос любви.

Слова -лишь оболочка.

Притяжение рождается внутри.

И путь начинается там,

где ты перестаёшь убеждать

и позволяешь себе

раскрыться.

И это было продолжение начала.

СЦЕНА 2

«Почему ты остаёшься в тюрьме, когда дверь так широко открыта?» – Руми

Дом, где учатся слышать

Утро в Королевстве Манна
приходило не звуком, а светом.

Свет сначала касался крыш, потом воды, потом лиц. И только после этого
доходил до мыслей.

Ян проснулся раньше обычного. Не потому что ждал дела. А потому что внутри
что-то уже не спало.

Он стоял у окна, с той же стороны дворца, но видел город иначе.

Не как систему. Не как карту ответственности. А как дыхание.

Почему ты остаёшься в тюрьме...

строка Руми всплыла сама, без усилия.

Ян понял: его тюрьма никогда не была внешней. Она состояла из ролей, которые он носил
слишком аккуратно.

Герцог. Стратег. Защитник. Символ.

Все – правильные. Все – нужные.

Но ни одна

не была целиком им.

Он надел простой плащ

и вышел не через парадный вход.

Сегодня

ему не нужна была дистанция.

Дом стоял в старой части города. Раньше здесь была школа переписчиков. Потом – склад.

Потом – тишина.

Лейла ждала у двери. В руках у неё была связка ключей
и свёрток с тканью.

– Ты пришёл, – сказала она, не как вопрос, а как подтверждение выбора.

– Я не мог не прийти, – ответил Ян. – Кажется...

если бы я остался во дворце, дверь снова закрылась бы.

Лейла посмотрела на дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.